

[РУССКИЙ РЕВАНШ]

**МАКСИМ
КАЛАШНИКОВ**

**АНДРЕЙ
ЕМЕЛЬЯНОВ-
ХАЛЬГЕН**

**РОБОТ
И КРЕСТ**

**[ТЕХНОСМЫСЛ
РУССКОЙ ИДЕИ]**

Русский реванш

Максим Калашников

**Робот и крест.
Техносмысл русской идеи**

«Алисторус»

2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калашников М.

Робот и крест. Техносмысл русской идеи / М. Калашников —
«Алисторус», 2015 — (Русский реванш)

ISBN 978-5-906817-03-7

В 2014 году настал перелом. Те великолепные шансы, что имелись у РФ еще в конце 2013 года, оказались бездарно «слитыми». Проект «Новороссия» провалили. Экономика страны стала падать, получив удар в виде падения мировых цен на нефть. Причем все понимают, что это падение — всерьез и надолго. Пришла девальвация, и мы снова погрузились в нищету, как в 90-е годы. Граждане Российской Федерации с ужасом обнаружили, что прежние экономика и система управления ни на что не годны. Что страна тонет в куче проблем, что деньги тают, как снег под лучами весеннего солнца. Что дальше? Очевидно, что стране, коли она хочет сохраниться и не слиться с Украиной в одну зону развала, одичания и хаоса, нужно измениться. Но как? Вы держите в руках книгу, написанную двумя авторами: философом и футурологом. Мы живем в то время, когда главный вопрос — «Зачем?». Поиск смысла. Ради чего мы должны что-то делать? Таков первый вопрос. Зачем куда-то стремиться, изобретать, строить? Ведь людям обездоленным, бесправным, нищим не нужен никакой Марс, никакая великая держава. Им плевать на науку и технику, их волнует собственная жизнь. Так и происходят срывы в темные века, в регресс, в новое варварство. В этой книге первая часть посвящена именно смыслу, именно Русской идее. А вторая — тому, как эту идею воплощать. Тем первым шагам, что нужно предпринять. Тому фундаменту, что придется заложить для наделения Русской идеи техносмыслом.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906817-03-7

© Калашников М., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Предисловие: от «национального футуризма» к «техносмыслу Русской идеи»	7
В поисках выхода	8
Желтая королева	8
Убийство русского человека	12
Главная тайна Руси?	14
Кратчайший курс историософии	17
Тени западного окна	20
Концепция о душегубах	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Максим Калашников
Робот и крест. Техносмысл русской идеи

© Калашников М., Емельянов-Хальген А., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Предисловие: от «национального футуризма» к «техносмыслу Русской идеи»

Плоха та вера, которую исповедуют по долгу службы. Плохо, когда свыше приказано верить в величие и большое будущее России, а в душе царит совсем иное.

В 2014 году настал перелом. Те великолепные шансы, что имелись у РФ еще в конце 2013 года, оказались бездарно «слитыми». Проект «Новороссия» провалили. Экономика страны стала падать, получив удар в виде падения мировых цен на нефть. Причем все понимают, что это падение – всерьез и надолго. Пришла девальвация, и мы снова погрузились в нищету, как в 90-е годы. Граждане Российской Федерации с ужасом обнаружили, что прежние экономика и система управления ни на что не годны. Что страна тонет в куче проблем, что деньги тают, как снег под лучами весеннего солнца.

Что дальше? Очевидно, что стране, коли она хочет сохраниться и не слиться с Украиной в одну зону развала, одичания и хаоса, нужно измениться. Но как?

Вы держите в руках книгу, написанную двумя авторами: философом и футурологом. Мы живем в то время, когда главный вопрос – «Зачем?». Поиск смысла. Ради чего мы должны что-то делать? Таков первый вопрос. Зачем куда-то стремиться, изобретать, строить? Ведь людям обездоленным, бесправным, нищим не нужен никакой Марс, никакая великая держава. Им плевать на науку и технику, их волнует собственная жизнь. Так и происходят срывы в темные века, в регресс, в новое варварство.

В этой книге первая часть посвящена именно смыслу, именно Русской идее. А вторая – тому, как эту идею воплощать. Тем первым шагам, что нужно предпринять. Тому фундаменту, что придется заложить для наделения Русской идеи техносмыслом.

Мы не могли не ответить на вызов нового смутного времени, на реалии второй Холодной войны. С Богом, читатель!

В поисках выхода

Желтая королева

В центре современного мира стоит большой желтый трон, и на нем горделиво восседает такая же блевотно-желтая королева, Ее Величество Экономика. Либерализм и Марксизм сошлись в горячем поцелуе у подножия этого трона, а невидимые отвертки пропаганды накрепко ввинтили каждому человеку мысль, что так оно и есть правильно, а по-иному быть, конечно же, не может.

Конец девятнадцатого и весь двадцатый век изобиловали спорами. Люди боролись при помощи языков, броневиков, танков, но, в конечном счете, все их споры сводились к вопросу, какой пудрой лучше всего покрыть щеки любимой Королевы. Может, марксистской? Или, лучше, социал-демократической? В конце концов, остановились на самой ядовитой, либеральной. Но никто из спорящих и бьющихся сторон ни разу не задался вопросом, справедлива ли власть самой Королевы, по праву ли ее голову украшает золотая корона, или стоило бы сорвать ее как можно скорее. В пылу схваток никто даже не разглядел, имеются ли у Правительницы самая голова, а, тем более, сердце.

Старые экономические учебники начинались с повествования о том, что «экономика не способна определять своих целей, ее цели и задачи определяет общество». Понятно, эту сентенцию никто не читал, ведь реалии жизни всегда говорили об обратном. Туша экономики безжалостно давила все остальные стороны общественной жизни, порождая кровопролития за ресурсы и «романы на производственную тематику», «деловую моду» и уничтожение культурной и природной среды обитания народов. Воистину, список преступлений «Королевы» «потянул» бы не на один десяток «высших мер наказания».

Экономика всегда и всем сулила счастье, в недалеком будущем. Что же это оказалось за счастье? Счастье винтильщика гаек за бесконечной рекой конвейера? Радость крестьянина, насильно оторванного от своих корней и обращенного в частицу городских низов, в быдло? Или веселье современного офис – менеджера, одуревшего от безбрежного вороха счетов, голова которого гудит, подобно компьютеру?

«Светлое будущее», «карьерный рост», «процветание» – вот сладенькие конфетки, болтающиеся на шее злой Королевы. Вкусить их можно лишь тогда, когда жизнь обращается в черное проклятие, но и смерть уже не кажется избавлением, ибо за годы разочарований человек начинает сомневаться, что там, по ту сторону, есть что-то иное. Однообразная, тупая работа всегда сменяется пресным, как жвачка, досугом, который есть ни что иное, как еще один отпрыск той же самой Королевы. Все, что неуютно Ее Величеству уже давно отброшено, забыто, заперто в сердцах и головах тех, кого по воле Правительницы принято считать неудачниками.

Что же дарит человеку эта Повелительница взамен на часток кол бед и страданий? Обеспечение материей существования в сей момент и в сем месте, да еще вечную надежду, что некий момент в будущем будет наполнен материей еще больше. Вот и все. Вдумаемся внимательнее в эту фразу, и поразмыслим, что же есть этот «сей момент». Единица, деленная на бесконечность! Он тает быстрее, чем мы успеваем о нем задуматься, кто не верит, может прямо сейчас поставить опыт с самим собой!

Ну, а раз «сей момент» есть полное ничтожество, то попробуем выбросить его из нашей жизни. И что осталось? Планы на будущее, которые рушатся каждое мгновение, да еще воспоминания, выбиваемые из сознания хорошим ударом по голове. И это все! Где смысл?! Конечно, его нет, и тут стоит схватить самого себя руками, чтобы не провалиться в бездну... Не стоит,

пустое, разве человечьи руки сильнее Небытия?! Все одно, тебя ждет тьма крошечная, и изобилие «дня сегодняшнего» уже не спасет...

Бытие жизненной пылинки вечно тонет в черной бездне, оно – ничто, у него нет смысла. Но смысл возвращается вновь, едва стоит связать единичную жизнь с жизнями прошлыми и будущими, то есть с предками и потомками, а также с жизнями других людей, протекающими совсем близко. Так и возникает то, что именуется народом, связка же, объединяющая всех в единое целое есть ни что иное, как Традиция с ее внешней, осязаемой стороной – культурой.

А что есть культура? Надо полагать, что это – определенный набор символов и способов их истолкования. Задача этих символов – приоткрыть завесу, скрывающую за собой величайшие тайны бытия, и среди них – тайну жизни и смерти. Культура суть око, смотрящее из земли в Небеса.

Но если культура – это глаз, то экономику, как самую плотную и плотскую часть культуры, можно уподобить его главному яблоку и радужной оболочке. Нет материальной деятельности человека – и не на чем держаться трепетному зрачку духовной культуры. Однако когда экономика начинает претендовать на полноту власти над всей человеческой жизнью, око культуры становится похожим на глаз с заросшим зрачком. В результате вместо созерцания далеких звезд – чернота вечной ночи. Нет уже радости в излишне здоровом глазном яблоке или радужной оболочке, если глаз все равно ничего не зрит. И, подумайте сами, какая может быть разница, окрашена радужка слепого ока в цвет марксизма, или либерализма, если никакая ее окраска не принесет в глазное нутро даже самого тонкого лучика солнца?!

Поэтому, чтобы вылечить больной глаз, спасти бытие от оскотления, прежде всего необходимо сбросить Правительницу с ее трона и жестко указать ей на то место, которое ей и положено занимать.

Если мы задумали сбросить владычицу – экономику с ее престола, то стоит задуматься, какое место в жизни народа мы собираемся ей уготовить. Ведь каждому ясно, что присутствующее на Земле общество не способно обойтись без материального производства.

Если смотреть с позиций культуры, то весь смысл экономики сводится к воспроизводству традиционных символов в дереве, металле, камне и прочих твердых материалах. Все находится на своих местах – культура духовная созерцает символы и дает им толкование, материальная культура их воспроизводит. Это прошлое значение экономики мы сможем оценить, если прогуляемся по центрам старых городов и взглянем на немых свидетелей той давней эпохи – старинные здания. Древние мастера как раз и занимались воплощением таинственных символов в плотных земных материалах, только труд их был чрезвычайно тяжел, и у них не хватало сил, чтобы превратить всю Русь в книгу небесных символов.

Иное дело времена нынешние. Развитие техники, механизация и автоматизация прежде тягостного ручного труда могут дать возможность всем людям Руси слиться в совместном воплощении символов, содержащихся в русской культуре. Но для этого, прежде всего, требуется дать экономике такую задачу, которая никогда не сможет возникнуть внутри нее самой, ибо стоит она слишком высоко от вопросов расширения рынков и извлечения прибыли.

Теперь сформулируем те задачи, решения которых мы требуем от материальной сферы в новом обществе:

1. Создание условий, при которых каждый работающий человек сможет воплощать в продуктах своего труда культурные символы, то есть быть творцом.
2. Недопущение значительного подъема цен на плоды нового труда, которые, по своей сути, станут произведениями искусства.

Современное состояние технических наук позволит решить оба этих вопроса путем автоматизации всех трудоемких и рутинных производственных процессов, а также значительного сокращения энергии, потребляемой в ходе производства. Жизненно необходимо создание таких предприятий, на которых человек будет участвовать только во внесении смысла в про-

дукцию. От работника таких производств, разумеется, будет требоваться не столько ловкость рук и воловья выносливость, сколько знание родной культуры и способность к творению. Как показывает жизненный опыт, творческие способности имеются у подавляющего большинства людей, но у очень многих они сознательно задавлены, прежде всего, неправильным средним образованием (вернее – образованием, которое «заточено» под тот мир, где властвует экономика). В прошлые времена такая общественная стратегия была оправдана, ведь она обеспечивала производство большого количества «рабочего человеческого материала», способного переносить длительный и тошнотворный труд. Теперь мы сможем отказаться от такого подхода, и, тем самым, сократить количество вечно несчастных людей. Пусть все, что производится на Руси, станет уникальным, и каждый предмет, сделанный у нас, будет подлинным произведением искусства, а каждый житель наших земель – творцом.

В новых условиях исчезнет потребность в предприятиях-монстрах и армиях рабочих, которые на каждом рассвете проходят под их прокопченные ворота, погружаясь в мир грохота, жара и химической вони. На полностью автоматизированных заводах смогут трудиться всего-навсего одна – две сотни человек, знакомых лично, объединенных в своем творческом действии. Это создает предпосылку к возрождению общинности, этой вековой основы нашего бытия.

Восстановление общинности повлечет за собой изменение всего общества. Может измениться даже система расселения. Ведь огромные коробчатые при заводские города станут не нужны, зато можно будет построить множество красивых малых городов. Создание таких городов-звезд позволит сразу же решить проблему контроля над необъятными русскими просторами, проблему перенаселенности крупных городов и проблему возрождения русского села. Смогут получить развитие и старые малые города, по сей день прозябающие, по сути, в девятнадцатом веке (например, город Устюжна до сих пор даже не газифицирован).

Как же нам расправиться со старой экономикой бессмысленности и произвести на свет чудо экономики смысловой, культурной, к которой при современном взгляде на само понятие «экономика» вполне подходит обозначение «антиэкономика»? Ведь решившись на такой отчаянный шаг, мы выбьем краеугольный камень из прокопченного здания современного мира, и едва ли он простит нас в последние мгновения своего бытия!

Прежде всего, требуется расконсервировать нереализованные разработки в области автоматизации, энергосбережения и энергопроизводства, и стимулировать новые разработки в этих областях техники. Затем последует форсированное внедрение этих прорывных технологий, когда каждое старое предприятие должно будет, по сути, превратиться в экспериментальную площадку, на которой творения лучших умов станут совершенствоваться и пробивать себе путь в жизнь.

Совершение такого шага потребует от народа решительности и воли, ведь, делая его, придется, не считаясь с возможным риском, убытками и огромными затратами. Но игра, конечно же, «стоит свеч», ведь сохранение национальной культуры и создание для людей возможности творческого самораскрытия дороже любого количества денежной массы.

Но, что самое важное, все эти решительные шаги могут быть проведены нами только на фоне восстановления поля традиционной культуры и соответствующего изменения образования. Новой Руси необходимо поколение творцов, а не «функциональных людишек» прошлого, и мы должны будем его получить, во что бы то ни стало.

Потребуется изменить взгляды и на управление экономикой, ведь появится новый самоуправяемый элемент экономической системы, которым станет община. По всей видимости, государственное управление будет требоваться на уровне организации прорывных разработок, управления финансовыми потоками и на уровне общенациональных проектов (подобная экономическая система была предложена еще в девятнадцатом веке немецким экономистом Ф. Листом). Такой подход к контролю над материальной сферой общества позволит нам осуще-

ствить весь проект построения экономики смысла, не нарушая при этом саморегуляции систем, обеспечивающих удовлетворение жизненных повседневных потребностей человека.

Убийство русского человека

Древняя мудрость гласит, что человек состоит из трех начал – Духа, души и плоти. Продолженный за пределы самого себя расширенный до народа человек также сохраняет эти начала. Дух народа – это его вера, душа – его кровь и все, что передается с ней, то есть народные предания, мифы, легенды, представления о добре и зле, о прекрасном и уродливом. Тело народа – его почва, земля, от которой он черпает свою силу, по выражению Л.Н. Гумилева – кормящий ландшафт. Удар по любой из трех составляющих способен нанести народу смертельную травму, обратить его в бессмысленную людскую россыпь, которая в лучшем случае может стать материалом для формирования нового народа, но уже совсем не того.

Три начала народа – вещи общие, их вроде и не заметно, пока они не наполняют собой каждый день народной жизни, не волеются в каждое его мгновение. И вера, и кровь и почва организуют мгновения, дни, годы и века народного бытия, обернувшись в традиционные занятия народа. Вера придает им высший смысл, кровь обеспечивает наследование из поколения в поколение, а почва обеспечивает необходимым материалом. Ведь ремесла – они вроде лестницы, начавшейся от земли и ведущей в небеса. Чем больше лет ремесленному памятнику, тем явственнее в нем видны все три начала.

Резные узоры, тот вид ремесла и искусства, который у многих всплывает перед глазами при одном лишь упоминании слова «Русь». Почва дала для него материал – дерево, а так же сложный набор символов, которые око мастера узрело среди природы. Растения, птицы, знаки воды и небес. Кровь принесла толкование значения этих символов, а так же знания о том, как вырезать их на податливых древесных листах. Дух же нес веру в то, что резные узоры способны защитить душу от темных сил и привести в защищенное пространство светлые ангельские сущности.

На Руси много почвы, потому рождалось и много ремесел, которые при всем их различии имели общий смысл и общую задачу. Одни и те же символы украшали и резные наличники, и росписи шкатулок, и глиняные кувшины, и кованые плуги. Секреты ремесел продолжали свой таинственный путь из поколения в поколение.

После много чего изменилось. С того момента, как в эпоху Петра I Запад послал Руси свой холодный поцелуй, стал таять смысл ремесел, их символический смысл стал вырождаться в простую стилизацию. Позже русское производство обрело новый смысл – построение на Земле общества небесного порядка, устремленного в мерцающий звездами космос.

Что было хорошо, а что нет – разбирать уже не имеет смысла. Гораздо лучше найти общее, что связывает вехи жизни русского народа. Это общее – в стремлении подражать Богу-творцу, создавая свой символический мир. В этом русский народ всю свою жизнь имел Богоподобность, вплоть до сегодняшнего дня. Преобразование темной и глупой материи высшим Смыслом – вот содержание каждого дня жизни русского человека.

У иных народов была иная Вера, иная кровь и иная почва. Часто народы не имели возможности промышлять многими ремеслами, и единственное ремесло делалось основой их принадлежности к данному народу. Например, в современной Финляндии к представителям народа лопарей относят тех, кто не только рожден от лопаря и лопарки, но и занимается традиционным лопарским ремеслом – оленеводством.

Но хуже обстояло дело у народов, которые вовсе не имели своей почвы, и долгое время скитались среди других народов мира, либо если народ своей почвой имел узкую береговую линию, переходящую в безбрежные океанские воды. В таком случае вместо ремесла у народа возникало занятие иного рода – распределение и перераспределение, торговля, ростовщичество. Предмет, достававшийся им от других цивилизаций, в руках таких народов сразу терял свой таинственный смысл, и делался просто единицей товара, имеющего свою ограниченную

стоимость. Символизм у них виделся не в предметах, а в удачливых и неудачливых сделках, совершаемых с товарными единицами, а то и с производным от них, то есть – с деньгами и прочими мерами стоимости. Народы-ремесленники в их глазах виделись людьми второсортными, ведь они были всего-навсего источниками товара, в то время, как те чувствовали себя его Хозяевами. Впрочем, такой взгляд был возможен лишь при взгляде на предмет, как на товар. При рассмотрении его, как смысла положение дел менялось, и вторые из хозяев товара обращались в профанов и невежд.

Список таких народов-распределителей может без труда составить каждый, кто как-то знаком с историей. Это, конечно, евреи, а также на разных исторических этапах – карфагеняне, финикийцы, венецианцы, генуэзцы, голландцы, швейцарцы, англосаксы. Между народами-перераспределителями и народами-творцами на протяжении всей истории шла борьба, закончившаяся однозначной победой первых. Вместе с победой цивилизаций распределения, победила и их идея взгляда на предмет, как на товар с вытекающим отсюда проклятием всех людей-творцов.

Есть у русского народа одна беда – это повышенный артистизм, легкость, с которой русские люди обретают облик других народов. Наверное, он – обратная сторона врожденной чуткости русской души и ее стремление понять другого. Много раз это свойство играло с русскими людьми дурную шутку, разрывая русский мир на тех, кто вжился в чужой образ и на тех, кто – нет.

Сейчас происходит новый, весьма затянувшийся виток этой страшной игры. Люди с русскими фамилиями, потомки крестьян и кузнецов, воинов и священников, ныне, оскалив зубы в чужой улыбке, склоняются над колонками цифр и пачками платежей. В их головах крутятся чужие схемы поведения и отношения к людям, согласно которым каждый, кто творит головой или руками становится парием, человеком низшего сорта.

В масштабах общества это приводит к росту неуважения к созидателям людям, даже – к презрению в отношении них. Ныне это презрение переросло в то, что можно уже считать геноцидом в отношении истинно русских (то есть – созидателей) людей. Уровень доходов, получаемый от реального производства, на территории государства РФ ныне столь низок, что не предполагает расширенного воспроизводства, то есть возможности иметь более двух детей в семье. Значит, истребление людей-творцов происходит уже на биологическом уровне, на уровне крови.

Жить при минимуме достатка в эпоху, когда ценность человека всеми определяется, как уровень его доходов – дело нелегкое. Это – серьезное испытание, которое мало кто выдерживает. И потому все больше и больше людей стремятся попасть в среду распределяющих и перераспределяющих, то есть – уже нерусских. Те, кто вынужден оставаться в прежней своей среде, заниматься делом своих предков, чувствует себя таким же неудачником, каким лет двадцать тому назад ощущал себя молодой деревенский житель (ныне их почти не осталось).

Метод уничтожения народа оказался эффективным, гораздо более действенным, чем какие-нибудь лагеря смерти или массовые расстрелы. Ни к чему тешить себя иллюзией о том, что «счастливчики» этого времени, благодаря своему изящному исполнению роли «людей Запада» смогут создать на русской земле что-то жизнеспособное. Могильщики Руси вымрут сами, ибо с исчезновением русского народа пропадут и возможности дальнейших трудов в области распределения и кредитного дела. К распределению богатств иных народов их едва ли кто допустит, ибо они лишь артисты и подражатели, но не более.

Потому ныне возможен лишь один выход – оставшимся русским людям первым нанести удар по своим могильщикам и довести его до полного их уничтожения. Иного не дано. Они все равно – обречены.

Главная тайна Руси?

Русская земля изобилует тайнами, и одна из этих тайн – так называемая Русская Идея. Это – самая большая из всех тайн, ибо сколько не копай землю, сколько не разбирай надписи на древних камнях – все равно не отыщешь и ее следов. Вернее, найдешь многое, что наметит на ее присутствие, но никогда не скажет о ней подробно, до корочки. Там – руины древней колокольни, сям – ржавый остов космического корабля...

Вокруг этих руин ходят люди, прихлебывая из горла пиво или самогонку. При этом кто-то из них смачно разбрасывает проклятие в адрес русских. «Вот народ, ничего делать не умеем, только бухаем, да бездельничаем! Чтоб передохли мы все скорее, и я – тоже!»

Если считать, что в этих словах кроется национальная идея, то приходится признать, что она – идея коллективной капитуляции и самоубийства. Народ с такой идеей просто не должен был возникнуть, он погиб бы прежде, чем оформился во что-то определенное. Что-то кажется обманом зрения – ни то славное прошлое, ни то мерзостное настоящее, о будущем при таком положении вещей говорить просто бессмысленно...

Кажется, что над русским человеком незримо веет некая сущность, которая и есть его идея, и все на Руси зависит только от ее воли. Захочет она – и русские сделаются воинственным и одновременно работающим народом, подчиняя ей всех своих соседей, одновременно осыпая ее рукотворными дарами, и, как будто незаметно для самих себя, изменяя свою жизнь.

Нынешнее состояние человека, некогда бывшего частью русского народа – тоже вроде подтверждения бытия русской идеи, только – негативное, доказывающее ее присутствие в иные времена своим отсутствием во времени сегодняшнем. Если ее нет – не на кого работать, и потомок русских людей будет пьянствовать и куролесить, что бы, не дай Бог, не оскорбить пока что отвернувшуюся от него Идею работой лишь на себя. Тем более что трудится на себя никто и не позволит, ведь любая работа – всегда служение некой идее. Если не своей, то чужой. Потому если потомок русских людей сейчас что и делает, то совершает это с острой ненавистью к материалу работы и к ее результату. Более того, бесполезная деятельность в нынешнее время привлекает людей к себе больше, чем полезная.

Ему некого защищать. Дорожить самим собой – тоже оскорбление для нее, и он готов сдаться всем своим врагам. Он готов впустить на свою землю кого угодно, показывая этим, что земля без Идеи ему не дорога, вернее, она – вообще ничто...

Потому бесполезно сейчас призывать людей к действию, хоть для «блага самих себя», хоть «за Родину»...

Европейские идеи многократно описывались и переписывались мыслителями, их пухлые тома могут занять целую библиотеку, причем немалую. В них все расписано насчет того, что надлежало думать и делать человеку. Что в прежние эпохи, что в нынешнюю...

Русские же философы взялись за осмысление русской идеи лишь в начале XX века. Но никто из них ее до конца и не понял, и не расписал. Все ухватывали лишь разные ее стороны, никто не добирался до самой сердцевины. Впрочем, может кто и добирался, но есть у русских людей еще одна особенность – не слушать тех, кто говорит им о национальной идее, отмахиваться от них, как от докучливых мух. Возможно, оно и правильно, и такая особенность русского сознания создает заслон на пути людей, которые если что и поняли, то обязательно – не все, и не так, и не то. Идея в русском сознании всегда остается большей, чем способности индивидуума к ее постижению. Она не нуждается в своих толкованиях и перетолковываниях. Она сама проявляет себя в каждой нитке жизненной ткани.

Да, так оно и было всю историю. Вся русская история сплетена из крутых изломов, но среди них три события делили ее на время, которое было «до» и время – «после». На двух

из изломов русская идея плавно перетекла в следующую эпоху, удивительным образом сперва пропитав, а потом и переродив чуждые писанные учения, предлагавшиеся ей на замену.

Впервые это случилось в знаменитые времена Петра Первого. Его жизнь – это первая попытка насадить четко расписанную идеологию Запада на казалось бы, чистое русское идейное поле. Вернее, очаг сопротивления на Руси присутствовал, им было старообрядчество, которым, на первый взгляд, русское идейное пространство и исчерпывалось. Подави его грубой полицейской силой, и все будет чисто для насаждения любых идей.

И что же? Большие массы войск вместо участия в борьбе с внешним противником, давили стрелецкие бунты, бились с казаками Кондратия Булавина, штурмовали Соловецкий монастырь и брали приступом скиты ревнителей древнего благочестия. За несколько десятков лет сопротивление было подавлено, и все помехи как будто были устранены, но...

Прошло немного лет, и послепетровская Русь сделалась неотличимой от Руси прежней. То же стремление в ширину, на неизведанные земли, те же сказания и былины среди народа. Да, Петровская эпоха добавила к русской жизни некоторых новых персонажей – столичных господ, лежащих как будто вне Руси, и желающих изменить ее согласно своим взглядам, но слишком малочисленным, чтоб это сделать. На этом ее наследие и закончилось, и к завершению эпохи Романовых на престол возшел истинно русский царь Александр Третий, время правления которого ознаменовалось невиданным расцветом русской культуры и искусства. Русский народ впервые ощутил себя сердцем Евразийского континента, который суть – сердце всего мира.

Следующим изломом стала марксистская революция, совершенная как будто в точном соответствии с буквами писанных на Западе трудов некоторых мыслителей. Эта революция была тотальной, и требовала тотального переустройства всех русской жизни в соответствии с буквами нескольких иноземных книг. Истребление противников было еще более безжалостным, чем прежде. При этом вместе с противниками уничтожались и те, кто вызывал малейшие сомнения в готовности следовать словам нескольких книжек.

Но прошел десяток лет, и в русской жизни снова стали угадываться прежние черты. Более того, Русь расширила свои пространства, освоила пространство воздушное, и, в конце концов, вышла в невиданное пространство – космос, дающий невероятный размах для дальнейшей реализации Русской Идеи. Русский народ вновь обратился в сердце Большого Континентального Пространства, еще большего, чем прежде, и вызывал у соседей искреннее уважение и восхищение.

Как видим, неявная, как будто незаметная Русская Идея шутя побеждала своих соперников, впитываясь в ткань всякой эпохи, которая декларировалась, как принципиально «новая», полностью оторванная от прежней истории. Причем, всякий раз действие идеи на народ не только не ослабевало, но лишь набирало силу, и народ совершал во имя ее все большие и большие действия, что находило отражение даже на географии его пространства...

Я располагаю информацией, что в послевоенную эпоху у Сталина был проект создания взамен христианства нового культа – культа Матери-Родины. От него во многих городах Руси остались памятники Матери-Родине, всегда великолепные, один из которых стал фактически символом города Сталинграда – Волгограда.

Кто таинственная Родина-Мать, воспетая и скульпторами и поэтами тех времен? Конечно, не просто земля, где подзолистая, где – черноземная. Она – суть Русская идея, которую гораздо легче воплотить в камне и бронзе, чем описать словами.

Можно легко заметить, что этот новый культ был не таким уж новым, сущностно он продолжал культ Богородицы, в прежние времена распространенный в народном Православии и породивший множество сказок, легенд, символов. До христианства, к слову, ему предшествовал такой же таинственный культ Макоши. Небесное женское начало, воля которого проявля-

ется не в прошлом и не в будущем, но в каждое мгновение земной жизни, и суть которого состоит в вечной связке Небес с Землею.

Верность Высшей Воле, исходящей от священного женского начала – это суть русской жизни, одолеть которую не в силах никакие теоретические размышления, пусть даже и безупречно правильные с логической точки зрения (чего, кстати, практически никогда не бывает). В переломные времена эта верность принимала два облика – горячий, огненный, что был у староверов и казаков Петровских времен или многих противников марксистского коммунизма начала XX века. Другой ее облик – каменно-холодный, неподвижный, он оставался во всем остальном народе. И если носители горячей верности, как правило, большей частью гибли в борьбе с приверженцами чужеземных «новаций», то вторые были неуничтожимы, ведь они и составляли сам народ. И Русь, ткань которой составляли эти люди, снова становилась прежней, и продолжала свой путь...

Что же случилось теперь, отчего переворот 90-х оказал на Русь такое тяжкое, буквально смертельное действие? Отчего ростки Русской идеи не пробиваются сквозь цифровой асфальт наступившей эпохи? Самое простое – сказать о безнадежной порче самого русского человека, который, наконец, не выдержал нового иноземного учения, либерализма, ибо по сути оно – не учение, а набор соблазнов, направленных не на сознание, а на подсознание.

Допустим, это так. Но заметим, что касаются эти соблазны в основном лишь небольшой части общества, занятой распределением и перераспределением материальных ресурсов и финансовых потоков. Большинство же народа, не приняв чуждых идей, фактически провалилось в непрерывное самоуничтожение, обратив его как будто в смысл своей жизни. Ныне, увы, лишь оно символизирует и верность людей Русской Идее, и отречение от всего чуждого, что коварными мухами пытается налипнуть на русское сознание. Впрошатар к Небесам через свою гибель и не оставление потомков – вот удел, который сейчас выбирает большинство тех, чьими предками были русские люди...

Есть ли выход? Вопрос надо ставить иначе – дана ли нам Воля его отыскать, вернется ли к нам таинственная женская сущность, именуемая Русской Идеей? Пожалуй, в этом и есть главная Русская Тайна, раскрыть которую мы не в силах, которая может лишь раскрыться нам сама...

Кратчайший курс историософии

Какой момент объявить началом истории, первой точкой исторического времени, от которой сквозь тысячелетия потянулась длинная линия, пришедшая, в конце концов, в день сегодняшний? Был ли вообще такой момент?

Для цивилизаций, воспринимающих время линейно, он, безусловно, был. Но присутствовал он так же и в традициях, принимающих время циклически. Ведь когда-то начался текущий цикл времени, и его начало было столь же значимым для человека, как и начала времени вообще для цивилизаций линейного восприятия времени. Циклы предшествующие для этих народов все одно остались вне исторического времени.

Однозначно, начало исторического времени – это тот момент, когда оторванный от своего Принципа, то есть – от Господа человек, и холодная тьма материи были поставлены рядом, один на один. Для традиций, принимающих ветхозаветную книгу Бытия это – мгновение, когда изгнание Адама и Евы из Рая – состоялось...

Печальными глазами взирал человек на Небеса и вокруг себя, на нелюбящую его холодную материальную массу. Сердце рвалось к небесам, а глаза недоумевающе глядели в разные стороны. С этого момента сама память о Первопринципе оказалась у человека стертой, знание о Нем потонуло во мраке, сквозь который все следующие тысячелетия и тщился взглянуть человек...

Оставленный Господом человек ощущал в себе разум, то есть способность созерцать и действовать, что отличает его от инертной материи. Возле себя он мог созерцать лишь материю, также порожденную Создателем, как и он. Соответственно, поиск возврата к первопринципу мог происходить только сквозь нее. И путей взаимодействия с материей могло быть лишь два – созерцание и действие. То есть, поиск символов Первопринципа в материи и ее преобразование в новые символы. И то и другое направление реализовывалось во всех традициях и у всех народов, но все равно у кого-то преобладал первый путь, а у кого-то – второй.

Народы дальнего Востока однозначно пошли по пути Созерцания. Их тела – суть оболочки, которые легко сбрасываются и одеваются, пока душа шаг за шагом, на протяжении многих жизней усваивает все, что ей потребно для постижения Первопринципа и возвращения к Нему. Материя для нее выполняет роль то помощника, то наоборот – помехи, но никогда не требует действия в отношении себя. Влияние идей этих цивилизаций (буддистской, индуистской, синтоистской) друг на друга и на другие цивилизации оказалось незначительным из-за их глубочайшей погруженности в самих себя.

Исламская цивилизация встала на путь действия. Но ее Действие произошло как порыв – стремительный захват половины мира, и столь же быстрое последующее остывание. Поиск пути к Первопринципу через суровую внутреннюю борьбу, отраженную на битву со всем миром, этот путь не раскрыл, и Исламская цивилизация вновь вернулась к созерцанию, которое хоть и связано с действием, но последнее не является уже определяющим. Хотя Богоискательство-действие сохранилось еще на какое-то время в арабской алхимии, оно уже не определяло Исламскую цивилизацию. Исламское созерцание, конечно, сохранило свои особенности, сделавшись в большей степени не поиском символов Первопринципа в недрах материи, но наблюдением за собственной жизнью, протекающей среди материи. Вместе с тем, Исламская цивилизация к сегодняшнему дню все равно остается преимущественно созерцательной.

Лишь две новозаветные, христианские цивилизации пошли по пути преимущественного Действия. Это – Западно-Христианская (католическая) и Восточно-Христианская (православная). Они и определили состояние мира, на протяжении веков влияя на другие цивилизации и друг на друга. Обе цивилизации пришли к осознанию законов диалектики, пусть Западная изложила их формализованным языком Гегеля, а Восточная, также осознав, никогда не изла-

гала их на бумаге. Законы диалектики не есть законы Материи. Они, по существу, являются законами человеческого познания материи, как о том говорил. Н. Бердяев. Но в целом их значение для людей столь же малопонятно, как и в те времена, когда Гегель творил свои труды. Суть в том, что законы диалектики означают познавательное движение мысли, но постольку, поскольку нет закона, указующего это направление и конечную цель, движение мысли как будто происходит в бесконечно, что то же самое, что – в никуда. Потому к известным трем законам диалектической логики – единству и борьбе противоположностей, переходу количества в качество, отрицанию отрицания, отвечающим, на вопрос «как», означающим «технологии» познания, следует добавить еще один, четвертый, обобщающий закон. Он будет отвечать на главный, всеобъемлющий вопрос «зачем».

Этот интуитивно ощутимый мыслителями прошлого, но впервые сформулированный здесь закон я назову законом «возвращения к Истоку». Согласно этому закону всякая идея стремится к поиску своего Принципа. Что есть принцип идеи? Он – сродни миру Платоновских идей, вернее – первоидей – уже не земных, но небесных, он соответствует, по сути, поиску качеств, присущих уже Первопринципу, то есть – Богу.

Попробуем посмотреть на три известных диалектических закона с позиции вновь открытого, четвертого. Первоидея по своей сути, не должна содержать в себе противоречий, полностью охватывать полноту своей области Бытия, и содержать в себе качество явления, которое уже при своем разворачивании может переходить в некое количество. Движение мысли в ее познании устраняет противоположности (единство и борьба противоположностей), находит качественное понятие явления (переход количество в качество), охватывает полноту области бытия, соответствующей идее (отрицание отрицания).

Таким образом, мы видим движение, но направленное уже не в некую «дурную бесконечность», а в сторону первоидеи, реализация которой и привела к возникновению данного явления.

Закон возвращения к истоку связывает диалектику с Традицией и дает нам возможность понимание отношения разных традиций к осознанию материи.

Две христианские цивилизации подобны двум рукам, направившим свои жадные пальцы в небо. Но при сходстве, они, подобно правой и левой руке, имели важнейшие различия. Ибо Богоискательское действие Западной цивилизации было сосредоточено на посюстороннем мире, а действие Восточной цивилизации было направлено на Бытие во всей своей полноте, на Космос.

Пройдя через поиски первоматерии (философского камня), в котором наиболее полно отразился принцип возвращения к истоку, через возвращение Святого Града, через стремление обратить в свою веру все народы, Западный путь оборвался, и народы, следовавшие ему, потерпели глубокое разочарование. Пространство Действия сжалось до размеров отдельных жизней, до их удачливости или неудачливости, в которой люди тщились найти Бога. Западное протестантство, крайностью которого стал кальвинизм и пошедшие от него учения (пуритане, баптизм), означало обрыв пути действия, направленного на постижение Первопринципа. Уже через несколько поколений из него испарился уже и тот смысл, который в нем видели протестанты, и все манипуляции над материей навсегда «запечатались» внутри материального же мира. Такое мировоззрение, выраженное в идеологии либерализма, по большому счету – «отход» взаимодействия человека и материи, идейные помои.

Восточная цивилизация, центр которой в XIII веке переместился из Византии на Русь, искала Бога во всей полноте Бытия, имея в себе и Созерцание и Действие. Сначала поиск Первопринципа происходил на необъятных и почти безжизненных русских просторах, в котором русским людям виделся весь Космос. Когда они были пройдены, богоискательское действие не остановилось, оно устремилось в третье измерение – в Небеса, в то пространство, которое позже было названо космосом в узком смысле этого слова. Возможно, что дальнейшее направ-

ление этого пути – освоение иных, пока недоступных нам измерений (так же, как в Средневековье было недоступно третье измерение) и поиск первопринципа в нем...

Но Русскому пути препятствовал путь, реализуемый «злой соседкой», цивилизацией Запада. На ранних этапах это приводило к боевым столкновениям, которые не несли большого вреда, лишь укрепляя русскую веру. Но позже, при разложении западного пути действия, чужая цивилизация стала заражать Русь своими ядовитыми миазмами.

Наибольший вред русскому человеку принесло такое его качество, как артистичность, способность легко, и даже гротескно подражать человеку другого народа. При реализации пути космического богоискательства эта особенность нашего народа играла благую роль. Объединяя в своей душе грека и самоеда, татарина и немца, русские люди стяжали полноту мира, совершая шаги по лестнице, ведущей в Небеса. Но все изменилось, когда русский человек принялся со всей силой своего духа изображать из себя человека разложившегося Запада. Игра сделалась навязчивой, агрессивной и однообразной, и ее неизбежным результатом сделалось утопление Руси в помоях Запада и фактическое исчезновение Русского человека.

Сейчас натянутая снаружи чужая шкура покрывается многочисленными язвами и прыщами, болезненно напоминающими «артисту» о близком конце мира. Дальнейшее пребывание в этом чужом «костюме» грозит «актеру» гибелью вслед за его «творческим образом», настоящим костюмовладельцем.

В последнее следует вдуматься, сосредоточиться на мысли, что ныне на каждого русского человека надет чужой костюм. Эту мысль следует повторять про себя долго, до тех пор, пока сознание не определит, где заканчивается чужая, накладная шкура, и где начинается родная плоть, содержащая в себе родную душу.

Слишком много лет мы просто наблюдали за тенью западного окна...

Тени западного окна

Потерянное или брошенное дитя всегда ищет своих родителей. Ищет иной раз безнадежно, тщетно, то подходя к заветной цели своих поисков, то болезненно теряя ее. Сначала ищет по-детски наивно, пытаясь узнать во встреченных лицах родные черты. Потом – повзрослому серьезно, роясь в пропыленных, пахнущих мышами архивах различных канцелярий, старательно отыскивая малейшие упоминания о тех, кто мог бы быть его родней. Искорки надежды то вспыхивают, то гаснут, уничтожаемые сырыми ветрами беспросветной жизни.

Ищущий ничего не ведает о тех, кого разыскивает. Может, его потеряли очень добрые, хорошие люди, и встреча с ними станет морем радостных слез, а потом – долгим воспоминанием о годах жизни, которые они без своей вины прожили порознь. Будет взаимное сочувствие и тягостное желание загладить вину разлуки, которую потерянные родители все-таки остро чувствуют за собой, хоть с чужого взгляда ее вроде как и нет. Они станут делать для чудесно найденного, выросшего в чужих руках отпрыска все мыслимое и немыслимое, но горькое чувство от этого все одно не станет идти на убыль.

А, может, его бросили очень скверные людишки, которые захлопнут дверь перед носом возвращенного потомка, и тогда он навсегда обратится для них в пучок игл ненависти, готовых в любое мгновение пронзить своих предков. Хотя такое, конечно, едва ли случится. За много лет даже крохотные капли раскаяния, скорее всего, проломили-таки камень их злобы, и момент встречи сделается бурлящей рекой их радости о том, что теперь хоть часть вины с них смыта.

Как бы то ни было, момент встречи окажется той золотой точкой, которая вберет в себя не только прежние, но и все последующие годы жизни. Мгновение, которое самоценно, способное вобрать в себя всю жизнь и сделаться ею...

Оно, это мгновение, может никогда и не наступить. И тогда поиски будут идти до самой смерти, даже когда потерянных родителей уже определенно не может быть среди живых. А последний день ищущего окрасится лучиком надежды, что уж на Том Свете, где нет времени и пространства, где окажутся все, кто был разлучен при жизни, он определенно найдет тех, кого всегда искал. Да, в день смерти такого человека всяко будет больше радости, чем горя...

Поиск своего начала заложен в человека, его нельзя отменить и упразднить. Быть может, этим человек и отличается от животных. Но помыслы и чувства зверей нам неведомы, и по-настоящему сравнить себя с ними мы все одно никогда не сможем. А вот про людей можно сказать, что с самого их появления в оторванном от небес мире, возникло и Богоискательство, это стремление отыскать свое небесное начало...

Богоискатель. Старец, уединившийся в пустыне или одиноко простоявший свой век на камне. Он более принадлежит Небесам, чем Земле, он почти бесплотный, сквозь его тело просвечивает Солнце и виден блеск звезд. Людей, которые подойдут к нему, он не прогонит и ни в чем не упрекнет, он даже им поможет мудрым советом или исцелением от земных недугов. Но никогда не скажет им всего, что ведает, и сам для них навсегда останется воплощением небесной тайны, явленной к ним лишь затем, чтобы еще раз показать ее присутствие. Немногие могут пойти вслед за старцем, встать на камень или поселиться где-то в тихой глуши, чтобы не видеть и не знать ничего, кроме Небес, к которым их будет приближать каждый день их жизни.

Большинство же людей живут соприкосновением с пластами материи, или с себе подобными людьми. Их глаза привыкли смотреть в стороны и вниз, но не в небесную синь. Но Божий дух где хочет, там и веет, и Господь есть не только наверху, но – повсюду. Потому и поиск Воли Господней люди совершают повсюду, идя разными путями к одной цели, когда обретая ее, когда – нет, когда находя совсем другое...

Затянутые в железо люди и кони, остро наточенные мечи и копья. Стальная река уже намаялась своей тяжестью, пронесла ее через многие версты и едва не раздавленная ею. В иные

дни рыцари едва ли не запекались в жаровнях беспощадных доспехов. Вместо защиты они даровали своим носителям лишь зной да жажду, да кровавые мозоли на плечах и шеех. В иных краях они наоборот, становились ледяными и похищали тепло из плоти, мучая рыцарей зверским холодом. На корабле они грозили утянуть в донный мрак небытия, ведь победить их каменную тяжесть не мог и самый могучий из воинов.

Когда показывались враги, молниеподобные легкие сарацины, и тогда сталь была бесполезна. Да, слабенькие сабли врагов были беспомощны против железнокожих панцирей, но они ведь и не пытались их прорубить. Коварные враги, пренебрегая правилами рыцарского боя, нападали на беззащитный обоз, рубили слуг и оруженосцев. Когда тяжеловесная рыцарская лавина поворачивалась на выручку, дети пустыни бесследно исчезали, словно их впитывал сам родной песок. Рыцарям оставалось лишь пролить слезы о потерянных усердных слугах, да в очередной раз урезать и без того скудный паек.

И вот, дороги пройдены. Много, ох много мучительной пыли набили они под железные шкуры! Но вот уже впереди виднеются стены белого города, который – цель долгих мытарств, пережитого голода и зноя, бессонных ночей. Теперь железо может вымолить прощение у своих хозяев. Город – это не пустыня, в нем никуда не ускачешь, рубиться придется по-настоящему, и тяжелые германские и французские мечи честно встретятся с кривыми саблями.

Припав на колени, воины молились. А немного поодаль так же молились их слуги и оруженосцы. Взгляды рыцарей были остры, как солнечные лучи, на лицах застыла уверенность. Один рывок – и последний глоток из чаши страданий будет испит, долгая дорога завершится, и все нажитые грехи, вольные и невольные, известные и неведомые, разом разлетятся в неведомую пыль. Едва их руки коснутся Гроба Господнего, тут же растворятся все беды, насланные на погрязшую в грехах и невежестве Землю, и откроется лестница, ведущая на самые Небеса. Умершие сделаются живыми, потерянные – обретенными, больные – исцеленными. Только один бросок...

Воин с золотыми крестами на доспехах сидел на камне и задумчиво смотрел в сторону Иерусалима. Он знал, что этот город укреплен лучше любого европейского, а сарацин в нем – раза в три больше, чем его рыцарей. Белизна стен Божьего Града вызывала в нем печаль, он знал, что скоро она станет красной от крови его вассалов, а, может, и от его крови. А там, где не будет красного – там сделается черно от чадливого дыма многих пожаров.

Но уходить – некуда. И не только потому, что оказавшись снова в пустыне, бежавшее войско растеряет измученных коней и умрет от голода. Нет, в этом городе был сокрыт самый смысл жизни многих его предков, невесомые взгляды которых сейчас жгли его кожу, проникая сквозь увесистый панцирь. Зарождение рыцарства, искусство обращения с мечом и копьем, бесчисленные турниры и войны друг с другом – все было лишь для того, чтобы теперь они пришли сюда и узнали Божью волю в самой последней битве. Искусство кузнецов и шорников, молитвы святых и монахов – все сейчас сжалось на острие копий и мечей его воинства. Только теперь можно узнать, угодно ли все это Тому, во имя Кого совершалось вот уже несколько веков – Господу. И, если окажется, что нет, если не взятый город будет горделиво насмехаться над бегущим войском, то... То из такого боя живым лучше не выходить! Готфрид уже это понял, и решил, что будет биться с сарацинами даже если останется один, даже если будет лежать израненным на городской улице, но пронзенная рука еще сможет удержать заветную рукоять меча...

Герцог Готфрид Бульонский, как называли его свои, германцы, или Годфруа Буйонский, как звали своего предводителя рыцари-французы, превратил свою жизнь в дорогу к последнему дню, к дню входа в Град Божий. Его не прельщало богатство, не радовала слава, и от войн, которые то и дело начинали и прекращали его соседи, он всегда держался в стороне. Над ним смеялись, его считали трусом, а он шел на разные уступки, и всегда держал мир. Доставшееся по наследству богатство он потратил, чтоб найти в германских и франкских землях бедных

рыцарей, вооружить их и повести за собой. Повести туда, куда не отправился никто из его бывших соседей, удерживаемый цепью страха за свою землю, свой дом, свою семью. Возвращаться ему некуда – в родной Лотарингии правит уже другой герцог, его брат. Может, он и примет его домой, но тогда Готфрид навсегда обратится в сгусток позора, которому никогда не будет прощения. Над ним будут нагло посмеиваться рыцари, аккуратно прятать насмешку епископы, и от души хохотать в своих жилищах простолюдины. Нет, этого ему не снести...

И Готфрид ходил на разведку, подставляя свою голову под свистящие с городских стен вражьи стрелы. Скоро он знал в Иерусалимской стене уже каждый камешек, каждую выбоину. И каждая каменная глыба говорила герцогу о безнадежности битвы, о грядущем поражении. Но кроме каменистой материи, сложенной в стены, были еще безбрежные небеса, синева которых казалась самой мудростью. Они ничего не вещали, они пребывали в таинственном безмолвии, но Готфрид знал, что если есть их воля – будет сокрушен любой камень, а если нет – то преградой станет и случайная колючая травинка.

Там, где песок пустыни переходил в песок морского дна, причаливали галеры. На них сновали купцы, шеи которых были украшены крестами. На берег выкатывались бочки с водой и вином, извлекались мешки с провизией. Но, главное, с кораблей спускали тяжелые бревна и доски, которым предстояло сложиться в незаменимые осадные башни. Купцов Готфрид ненавидел, пожалуй, больше, чем сарацин. Называясь христианами и участвуя в самом важном деле христианского мира, они брали за все привозимые товары три, а то и четыре цены, и скоро в их карманы перетекли почти все скудные сбережения герцога. Одно слово – венецианцы, без рыцарей, герцогов и короля живут, в головах ни одного огонька, одна вода наживы. Покарать бы их, да не до Венеции сейчас, и не обойтись пока без купцов этих алчных. А как Иерусалим будет взят – тем более не до них станет...

Все-таки купленные чуть ли не на вес золота бревна и доски сложились-таки в две красавицы-башни. Им суждено первыми глянуть на землю, по которой ступал сам Господь, но которая ныне истоптана ногами неверных. А вслед за взглядом полетят и рои стрел, пучки копий, потоки огненной смолы... Главное только подогнать их к стене.

Сняв увесистые кованые сапоги, воины босиком шли крестным ходом вокруг не сдавшегося города. Небеса наполнились псалмами, и мир казался столь безмятежным, будто город сам собой раскрыл ворота и пустил крестоносцев без битвы. Кто-то из рыцарей безмолвно плакал, вспоминая родные лица и родные земли, кто-то почесывался – одолели вши. Но все они сейчас слились в один крик, в одно слово, которое уже никогда не умолкнет...

Рыцари собирались к бою. Взгромоздившись при помощи оруженосцев на коней, они скакали к расстилавшемуся под стенами града полю, и выстраивались в боевые порядки. Позади рыцарского войска строились пришедшие с разных уголков Европы простолюдины-пехотинцы. Пропел боевой рог.

С волнением смотрели воины на острия своих мечей и копий. Они с младенчества уважали свое оружие, но ныне в их руках было нечто большее. Они сжимали орудия поиска самого Господа, и сами сделались этим орудием. Ощетинившаяся лавина бросилась на городскую стену, но была сметена градом копий, который неожиданно пронесся из нее, как из страшной тучи. Белый камень сделался красным, воины отпрянули, но лишь затем, чтоб собраться и снова ринуться на приступ. Один удар, второй, третий. Будто кто-то бил голой ладонью по острию топора. Город оставался невредимым, но покрывался все новыми и новыми потоками германской и французской крови.

При каждом броске простолюдины, пришедшие вслед за рыцарями, наваливались на непокорные колеса осадных башен, и те продвигались чуть-чуть ближе. Несмотря на важность их работы, проносившиеся мимо рыцари окидывали этих людей презрительным взглядом. Но пехотинцы отвечали лишь еще большим усердием. Ведь в том мире, который откроется за сте-

нами этого города, не будет уже высших и низших, знатных и незнатных, все сделаются едины во Христе, как и были в самом начале. Надо только еще навалиться, толкнуть, продвинуть...

К вечеру облако одуряющего кровавого запаха застыло над городом и равниной. Одна из башен стояла уже вплотную к стене, но войско сильно ослабло, и не могло собрать силы для последнего рывка. Пехотинцы вытирали обильный, кусающий глаза пот, когда с высоты стены на них обрушился шипящий смоляной поток. Обожженные, они отпрянули, стараясь сорвать с себя легкие пехотные доспехи, чтобы как-то унять нестерпимую боль. Но тут же были пришпилены к земле роем копий, выпрыгнувших сверху так же внезапно, как и смола. Башня осталась беззащитной, и ликующие сарацины с воплем принялись спускаться с высоты по сброшенным лестницам. Намерение их было ясно – порубить, разбросать, сжечь ненавистную башню, безмолвный взгляд которой уже окидывал городские улицы.

Готфрид понял, что потеря башни будет означать конец. Пока привезут новые бревна и доски, пока соберут новую башню. А войско будет уже не то, оно сегодня поредело раза в два. И город не будет взят, и Гроб Господень навсегда останется в их руках... Неужто такова Божья Воля?

Готфрид понесся к месту, где сейчас решалась судьба всего мира. Но его опередили. Дикие рыцари, нормандцы, с яростным криком набросились на врага, вдавливая его живьем в землю, размазывая гадкими пятнами по стене, с которой он только что спустился. Меч короля Роберта рассекал их тела, словно нож – спелые груши, и скоро башня оказалась снова в руках крестоносцев. На нее уже поднимались лучники.

Все новые защитники крепости появлялись наверху, но их раз за разом сметали острые стрельчатые стаи. Вот их уже меньше, вот еще меньше...

Готфрид с отрядом спешившихся рыцарей стоял на вершине башни. Сейчас конь бесполезен. Простолюдины уже перебрасывали на стену большой дощатый помост. И вот герцог пошел вперед, на циклопического сарацинского ежа, выставившего ему навстречу свои колючки.

Бой перенесся на стену, а оттуда прыгнул в самый город. Храбрые норманны, воспользовавшись замешательством защитников, проломили ворота, и городские улицы наполнились конским ржанием и звоном тысяч мечей. Обезумевшие сарацины бросались прямо на острие, на верную смерть, силясь дотянуться своими короткими саблями до воинов из другого конца света. Трещали и ломались легкие копья, гнулись о панцири сабли. Не имея пути отхода, толпа арабов сжималась на главной площади, в бессильной ярости размахивая бесполезными саблями. Битва перешла в расправу, и скоро остатки сарацинского войска обратились липкой бесформенной кучей. Крестоносцы растеклись по городу, отмечая дорогу к Господнему Гробу выпотрошенными телами сарацин и евреев.

Все стихло, над взятым городом плыла победа, перемешанная со стонами раненых (разумеется, своих, чужие были безжалостно добиты). Остывающие крестоносцы шагали к Господнему Гробу, по дороге снимая со своих лиц остервенение и заменяя его смирением и покорностью. Вот они уже собрались в молитве, запели псалмы, и с напряженным ожиданием подняли головы к небесам. Чувствовалось, что этот миг был для них важнее, чем вся сегодняшняя битва. Они жаждали чуда, ждали открытия широкой небесной дороги!

Но все оставалось по-прежнему – искалеченный город, груды мертвых тел, которые уже начинали обнюхивать крысы, пустой Господний Гроб, да запертые небеса. Два рыцаря даже бросились с городской стены, рассчитывая взмыть на этой святой земле прямо к облакам, но упали на землю. Единственное чудо, которое с ними случилось – это что оба уцелели и даже не покалечились, не увеличив и без того большое число сегодняшних мертвецов.

Недоумевал и сам герцог. Он задумчиво стоял возле Гроба, и отыскивал глазами в небесах хоть малейшее знамение, хоть крохотную лазейку. Но тщетно. Явившая себя Божья воля исчезла, оставив воинство на улицах просто взятого города.

В только что отвоеванных домах, окруженные своими слугами, стонали раненные. Многие из них даже плакали. Вроде бы, раненым так и положено, но сейчас стоны и плача было куда больше, чем где-нибудь в родных землях. Воля Господня не посылала им даже чудесного исцеления, и оттого делалось совсем страшно. Неужели Господь отвернулся от своего земного воинства, и отвернулся навсегда?!

В Иерусалиме победители еще долго ждали. А потом мало-помалу стали организовывать свою жизнь на манер какого-нибудь крошечного европейского королевства. Герцог Готфрид Бульонский прожил всего лишь год, потом его сменили последователи, Иерусалимские короли, приходившие из разных стран Европы. Но власти у них было мало. Отнимали ее многочисленные магистры орденов, да и другие герцоги, для которых король Иерусалимский был просто самым знатным из равных. Хозяйство в королевстве наладить, конечно, не удалось. Своих крестьян не было, бедуины из окрестностей разбежались, да и какая с них дань, с верблюжьих пастухов?! Кормилось оно только лишь подаяниями паломников да Папы.

Весь свой предсмертный год Готфрид больше раздумывал и глядел в небо, чем управлял своим крошечным государством. Он не замечал, что привычных ему суровых воинов здесь становилось все меньше и меньше. Их место занимали грамотеи, старательно собиравшие истлевшие еврейские манускрипты. Они шуршали бумагой, скрипели перьями, переводя древнюю писанину на свои родные языки, составляли новые и новые книги. Говорилось в книгах о толкованиях Ветхого Завета, который в Палестинских краях за много веков изучили до каждой точки, до запятой, до нечаянной пометки, допущенной в самом старом из всех свитков. Казалось, что если залезть в самую глубину писаний, то можно найти и то слово, которое есть сам Господь.

Новый Завет в этих краях никто не знал и не изучал. Давным-давно он был отброшен прочь, в сторону тех народов, откуда ныне пришли завоеватели. Но теперь победители жадно впитывали в себя то, что отброшено не было, что ревностно хранилось только для своих, кто едва появившись на свет уже избран. Потому северные ученые брали старинные пергаменты, как драгоценности, и много раз вчитывались в их строки с чувством, будто собирают золотые самородки или драгоценные камни. Ведь тайны древних еврейских мудрецов – это не Евангелие, которое в каждой церкви толкует любой приходской священник. Для всех попало, включая бродяг, нищих и разбойников! Стрелы новых мыслей, сваренных из ветхих букв, летели из Иерусалимского Королевства на страны Европы, ранив души их народов.

Иерусалимское Королевство скоро пало под натиском сарацинов. Зато Европа остервенело зашуршала пергаменными, писанными и переписанными, переведенными и перепереведенными. Самым знатным ремеслом теперь сделался не огненный труд кузнеца-оружейника, но тихая и чистая работенка писца. Отголоски писанных знаний достигали герцогов и королей, поучая их жизни и правлению над своими народами.

Манускрипты читались и перечитывались монахами, и грехи из тяжелых, сгибающих к земле гирь, обращались в пушинки, которые стало возможным легко сдуть. Ведь обязательно где-то, в каком-то из мудрых сочинений написано, что свершенное тяжкое деяние можно легко оправдать, а, значит, за него никто и не осудит, даже – Всевышний. Ну а если не хочешь читать и раздумывать, если неграмотен, можешь за немного монет купить индульгенцию, и она за тебя сдует греховную пушинку!

Беда, что писаний было много, а толкователей появилось еще больше. Слова мыслителей собирали вокруг себя полуграмотных сторонников, которые уже брались за мечи и копья. Все они не сомневались, что Воля Господня им уже раскрылась. Теперь дело за малым – защитить свое знание о ней от противников и насадить его везде, где только возможно.

* * *

Город утопал во мраке. Глухие улицы были страшны и безлюдны, оттого у случайного путника не могло возникнуть сомнения, что место это – покинуто и проклято. Несомненно, он бы бежал отсюда. На полном скаку он перелез бы Альпы, и ушел бы скорее прочь, хоть в Германию, хоть во Францию. Но нечего делать в этих землях странникам – нет здесь святынь. Нечего искать тут и нищим – все одно никто не подаст, а только изобьют и обсмеют.

Улицы давно не ведали радостей, не было на них шумных праздников, да и просто веселых людей тоже давным-давно не встречалось. На главной площади уныло возвышалась громада собора, плакавшего по тем славным временам, когда он был католическим храмом. Завтра в нем будет говорить свою проповедь тот, кто создал этот неласковый мир.

Сумрачный, уткнувший в седую бороду тоскливые глаза, он взойдет завтра на аналой, и снова скажет о предопределении каждого к Раю или аду, которое Господь вложил в мир в самый день его сотворения. Он расскажет о равнодушном, отвернувшемся Боге, воля которого излита давным-давно. Она входит в каждого из нас в самый миг рождения, и смысл жизни состоит лишь в том, чтобы отыскать ее внутри себя. Воля Всевышнего не молчит, она вопиет, но надо услышать ее глас, и сделать это несложно. Каждая звонкая монета, что задерживается в руках, падает в кошелёк, а потом запирается под замок – это звук высшей воли. У кого больше удачи в этом мире – тот будет счастлив и в мире том, радость монетного звона в руке и в кармане – отражение большой радости Рая.

В городе Женева Господа ищут все, и все стяжают в руках земные богатства, которые – малая толика богатств небесных. А обделенных нечестивцев тут презирают, их с позором изгоняют вон. Так недавно изгнали некогда богатого лесоторговца, который вконец обеднел после двух пожаров на своих складах, вызванных ударом молнии и нерадивостью рабочих. Никто не усомнился, что пожары были следом невидимой руки Божьей, которая щелчком вышибла несчастного из Его царства еще задолго до рождения самого торговца лесом. Только он сам до сей поры об этом не знал...

Наступил рассвет, и люди уныло стекались к соборной площади. Сегодня – суббота, ветхозаветный святой день, который обрел новую святость стараниями хозяина этого города. Вот он – вроде бы скромный и незаметный, вжав голову в плечи, восходит по лестнице в бывший храм. Теперь это – всего лишь молельный дом, а скорее – место слушания одной и той же проповеди.

С малых лет Жан узнал, что сама его жизнь – незаконна, что его самого, вроде бы, и не должно быть на белом свете. Ведь родитель его – епископ, он обещал Всевышнему, что никогда не вступит в брак, что его женой на веки будет церковь. Значит, сам он – застывший во плоти грех, греховная кровь течет в его жилах и от рождения греховное сердце бьется в груди?

Маленький Кальвин просто не мог не протестовать против несправедливости. Ведь он ничем не отличался, скажем, от Пьера, сына мясника или Мишеля, сына сапожника. Но какой-то обет, данный его отцом даже не Богу (ведь, конечно, ангел с посланием ему не являлся), но самым обычным людям, делает Жана каким-то неправильным, стоящим в этом мире где-то ниже других! И Жан рылся в книгах, отыскивая и находя себе оправдание. Отец помогал ему в этом, он приносил ему в большом количестве книги, богатые разными мудрыми словами. Его восхищала мудрость фарисеев, которые могли всегда правильно истолковать Закон, подводя под него любой случай из жизни. Вот бы сделаться им, а не католическим священником, которому сперва приходится давать много-много обетов, а потом в угоду своей жизни потихоньку их нарушать, и старательно скрывать свое неповиновение...

Но ведь фарисеи происходят из народа, который сам себя объявил избранным, и человек иного племени никогда не станет хранителем Моисеева закона... Избранничество по крови

– вещь темная, часто не доказуемая. Подтверждения ему никогда не найдешь в годах своей жизни.

Взрослевший Кальвин проводил дни и ночи за книгами, силясь отыскать желанные слова об Избранничестве. И один раз, на исходе бессонной ночи, когда болезненно истлевал очередной свечной огарок, в одной из книг он обнаружил желанное слово – «Предопределение». Оно перевернуло его сознание, ибо Кальвин понял, что судьба каждого определена задолго до его рождения, Предопределение нельзя изменить, его можно лишь узнать. Оно, конечно, и есть Божья Воля, и если он познает ее в себе, то познает и Бога.

Кальвин решил обращать людей в свою веру. Если она будет принята, значит Жан избранный, если нет – он и в самом деле проклят, что заложено с самого начала миров и никак не связано с клятвопреступлением его отца. Вернее, отцовский грех мог быть заложен точно так же.

Родина не принимала нового учения. С большим трудом Кальвин набрал десяток учеников, и с ними разъезжал по стране, скрываясь от преследования. Здесь оно было чуждо и воинам, и крестьянам, и кузнецам, и гончарам. Один рыцарь, прошедший сквозь каленую сталь нескольких войн, едва не пронзил его кинжалом. Привыкший искать Волю Божью в сражениях, ставя себя на зыбкую линию между жизнью и смертью, он возмутился беспросветным учением до сжатиya привычных к бою мускулов. Учителя спасли ученики, закрыв собой от гнева яростного воина, после чего они спешно покинули тот городок.

Исходив свою страну, Жан перешел через горы, в неприступную природную крепость – Швейцарию. Пробираясь сквозь Альпы, он едва не замерз, и озябшим, с дрожащими руками и ногами он вошел в богатый город Женеву, где царил мир даже тогда, когда соседние народы истекали кровью войн. Эта, в прошлом нищая страна, жители которой когда-то служили за мелкие монеты в пехоте всех европейских правителей и бегали за хвостами коней всех рыцарей – своего рода символ слова «Предопределение». Теперь, когда день ото дня росла торговля, когда ручейки товаров стали обращаться в реки, природная крепость стала невзламываемым сундуком, в который каждый купец может спрятать свои деньги. Когда сражения под стенами этой горной страны делались все более зверскими, она смогла торговать на все воюющие стороны, и откладывать у себя звонкую монету. Чужая кровь, страдания раздавленных войной областей здесь отливались золотистым звоном, который с каждым годом делался все громче и громче. Здешний народ трепетно ожидал мудреца, который объяснит наконец, что нет праведных и неправедных путей хождения богатства, ибо золото всегда – одно, а, значит, одинаков и его смысл. Надо только, чтоб сказаны нужные слова были твердо и без сомнений. Чтоб в них все поверили, а, значит, уверовали бы в конце концов, что мысли исходят с самих Небес.

Мудрец пришел туда, где его жаждали, где его слова пролились сладостной влагой. Среди богатых торговцев и ростовщиков он и нашел верных последователей. Ведь удача и неудача в их делах так часто не зависели от ума и таланта, и приходили будто сами собой. Неудача не значила смерть, проигравший мог жить дальше и повторять попытки оспорить волю судьбы. До тех пор, пока не падал духом, как погорелец-лесоторговец. Тогда на него ложилась печать всеобщего проклятия, ибо его признавали проклятым самим Господом.

Жан Кальвин чувствовал себя Избранным. Ведь столько лиц сейчас жадно взирали на него, он был здесь самым уважаемым человеком, город находился в его власти. Он откроет рот, и люди будут глотать его слова, которые он повторил здесь уже много раз, но все равно они звучат для них, как приходящее с Небес Откровение.

Много внемлющих глаз и широко раскрытых ушей, много знаков его избранничества. Но появляются-таки проповедники, снова вещающие о изначальной чистоте людей, на которую те по своей, данной Господом, воле накладывают серые пятна грехов. Снова повторяют слова о милосердии к несчастным, вспоминают Христа, который не брезговал мытарями и блудницами.

Эти люди для учения, конечно, не опасны. Кто будет их слушать в Женеве, вот уже почти век ожидавшей своего пророка и поверившей ему даже прежде, чем он произнес свои слова. Но их появление всякий раз порождает тревогу в сердце самого пророка, и это уже страшно. Конечно, во все, что он сказал за свою жизнь, Кальвин верил каждой каплейкой своей души, ведь тому, кто вложил в нее Предопределение, он свою душу и отдал. Но все же при встрече с кем-нибудь из них где-то в самых глубинах, непрозрачных для взгляда внешних людей, начинают все-таки шевелиться какие-то невидимые существа сомнения, которые и выглядывали тоской из его глаз. Ангелы они или демоны – и не поймешь, но лучше, когда их нет. Ведь их шевеления как будто говорят о том, что не нашел Кальвин Бога, как не искал Его на каждом шагу своей жизни.

Потому очередной проповедник, пробравшийся в Женеву сквозь природные преграды, будет завтра казнен на соборной площади. Кальвин сам зачитает приговор, и станет зорко следить за расправой. Рот у обреченного все равно будет крепко завязан, за этим уж проследят, и Жан все равно не услышит ни слова из его уст, как бы тот не стремился их выбросить из тени надвигающейся смерти...

Богатства множились. Они притягивали на свою сторону вроде бы чуждых им воинов, и те завоевывали все новые страны, раздражавшиеся, будто обильные тучи, новыми потоками товаров. Они потихоньку привлекали таких же чуждых ученых, и те, прекращая искать Бога в закоулках темной материи, одаривали покупателей новыми машинками и механизмами. К тем народам, которые не взяли учение Кальвина из рук самого учителя, оно пришло позже. Потихоньку, спрятав свое имя и забившись в трюма пароходов, полные заморских товаров. С товарами учение о предопределении и вышло наружу, разбрелось по домам и дворцам, не выдавая своего основателя. В те же страны, куда оно не приплыло на мешках с голландскими тряпками, учение влетело с пушечными ядрами...

* * *

Тяжела вахта на паруснике. Слово «стоять» к ней неприменимо. То и дело приходится лезть по качающимся, зыбким мачтам, а оттуда перелезать на качающиеся под телом реи. Жизнь и смерть сливаются в медленном танце, который длится до тех пор, пока моряк доберется до нужного паруса, не поднимет или не спустит его, после чего вернется обратно на шаткую палубу. Но на этом игра со смертью не кончается. Лютая волна может смыть матросика за борт, и там ему останется надеяться лишь на зоркость своих товарищей. Если они проглядают, если рев стихии заглушит отчаянный вопль, то этот крик станет последним, что издало несчастное тело на этом свете. Потом будет еще несколько часов жуткой, бесполезной борьбы с водяной силой, в ходе которой из тела потихоньку вытечет его жизнь. А потом – стремительное наступление океана, который вольется своей жертве и в легкие, и в сердце...

Кроме бед, уносящих жизнь одного или двух человек, легко может стрястись несчастье, которое сотрет с морщинистого лица моря изящный силуэт парусного кораблика. Он может разбиться о подлые рифы, хитрые морды которых торчат то тут, то там, когда путь идет ближе к берегу. Он может сгореть, может перевернуться, может прохудиться и нахлебаться воды. Да мало ли чего может стрястись на море, ведь недаром еще в давние времена затруднялись, к кому отнести странствующих по морю – к живым или к мертвым?!

А если еще добавить морскую болезнь, стойких к которой не больше, чем гениев в любой другой человеческой деятельности? В лучшем случае – один уникам на корабле найдется, а обычно – ни одного. С вывернутыми наизнанку кишками и отдыхать-то не очень весело, а что как работать, на ту же мачту лезть, поднимать неподъемный парус?

Бывает, что на исходе оказывается пресная вода. Тогда остатки драгоценной влаги приходится разбавлять тем, что плещется за бортом, и полученное питье делается гадким на вкус и

недобрым для здоровья. Но что делать?! Еще быстрее обычно к концу подходят запасы провизии, остаются лишь покусанные крысами сухари, от которых начинается беспощадный понос, быстро растворяющий остатки сил тела и духа.

В иное плавание и матросов не найти, их приходится завлекать обманом – напаивать в портовых кабаках и бесчувственных тащить на борт, чтоб очухались они только в открытом море, откуда бежать – некуда. Иногда матросов набирают из каторжников – обмен неволи решетчатой камеры на несвободу качающейся палубы. Обычно среди них добровольцев много – на корабле свободы чуть побольше, можно на вольную воду посмотреть, свободных рыб и радостных птиц...

Зато несчастнейшими людьми становятся капитан и его помощники. Их участь и так незавидна, ведь кроме разделения с матросами всех тягот морской дороги, начальникам приходится трепетно слушать каждый шорох, каждое случайное слово, оброненное кем-то из матросов. Что если замышляется бунт, который морским волкам будет стоить самой жизни? Людская стихия, что не говори, сильнее морской, а если в команде есть бывшие каторжники, тут хоть превращайся в большой глаз и большое ухо, чтоб все видеть и слышать!

В этом плавании все было именно так. Палубные доски кораблей пропитались кровью разбившихся насмерть моряков так, что их было уже не отмыть. Кончилась еда, почти кончилась вода, и на обед шли вываренные в морской воде кожаные снасти, после заглатывания которых казалось, будто съел нож. Все три корабля сильно текли, они словно рыдали солеными морскими слезами, только не наружу, а внутрь, и треть экипажа только и делала, что крутила помпы. Все три команды были набраны почти из одних только каторжников, которым король простил их преступления, а священник отпустил грехи прошлые и будущие. Потому рассуждения о бунте происходили без ложной утайке, везде где только можно. К этим разговорам капитаны уже привыкли и не придавали им значения. Чего бунтовать, если обратный путь будет все равно означать верную смерть – припасы-то кончились? На пиратский промысел в этих неизведанных водах нечего и рассчитывать – в них затерялось всего три деревянные пылинки Европы, и больше – ни одного корабля на тысячи миль вокруг. Едва ли капитаны, которые бунтовщики выдвинут им на смену из своих рядов, придумают что-нибудь лучшее, чем то, что осталось единственно возможным – продолжать путь, надеясь на чудо.

Самое страшное в этом плавании было то, что оно не имело цели. Вернее, его цель была упрятана в сознании главного, который не выходил из своей каюты. По ночам там горела свечка, шуршали какие-то бумаги, скрипело перо. Но никто из матросов, даже грамотный (а такой был один) не мог прочесть таинственные мысли, в которых пряталась его судьба.

Носитель мало кому известного в те времена имени, Христофор Колумб, склонился над картой, где призрачной штриховкой была нанесена земля по другую сторону Океана. Странно, если верить карте, они уже давно идут по суше. По сухо яко по воде...

Родился Христофор в Генуе, городе туго набитым разнообразными товарами, купцами и моряками. Много из того, что было в диковинку в других уголках света, в этом городе находилось с избытком. Просто гуляя по Генуе и собирая потерянные монеты, можно было набрать их столько, что сделаться богачом. Конечно, не по Генуэзским меркам, но, к примеру, по польским.

Христофор выведал о всех странах, какие есть на белом свете, обо всех чудесах и диковинках. Но помня, что его имя означает – несущий Христа, он выпрашивал, нет ли где-нибудь такой земли, где можно встретить Бога. Собеседники обычно не любили этот вопрос, и вместо ответа принимались опять рассказывать про огнедышащих чудищ да морских чертей. Но это Колумбу было не интересно, обо все этом он слышал уже много-много раз.

Но однажды он встретил старого купца, который всерьез поведал о земле, куда он сам так и не добрался, но где побывал кто-то, с кем дружил его отец. На той земле он увидел много золота, которое устилало самый берег, отчего тот горел, подобно солнцу, и путешественник

сперва решил, что попал на самое солнце. Но после осмотрелся, и понял, что здесь самый свет застывает и делается золотом, оттого его так и много. Кто же властен над чистым светом, в силах приковывать его к земле, как ни сам Господь?!

Конечно, Христофор тут же не вытерпел, и, перебив почтенного купца, крикнул «Видел он Господа?!»

Тут его ждало разочарование. Конечно, более всего на свете тот купец хотел увидеть Бога, но встречу с Господом он решил отложить на потом, а сперва собрался наполнить золотом свой корабль. Это он сделал с успехом, и когда последний слиток, больше которого корабль бы не поднял, лег в трюм, поднялся сильный ветер, унесший купеческий галеас в открытое море. Вернуться не получилось, ибо тайная земля словно перестала к себе подпускать. Хоть с купцом были и опытные моряки, но совладать с жесточайшими ветрами и чудесно изменившимися направлением морскими течениями они были не в силах. Вернулся жадный купец в глубокой печали, ибо он не сомневался, что за жадность теперь попадет в ад. Хотел все золото бедным раздать, да не успел – исчез в неизвестном направлении. Поговаривают, будто от разбогатевшего и как будто впавшего в безумие отца избавились родные дети. Чтоб золотишко не потерять...

С той поры Христофор не мог думать ни о чем, кроме таинственной земли. Целые дни и ночи он пропитывался пылью древних манускриптов, которые правдами и неправдами доставал у купцов. Он хватал каждую пылинку знаний о потаенной земле, в которую попасть живым – редчайшее и величайшее везение, говорившее об особенной Божьей милости. Удача ему улыбнулась, и в конце концов в руки легла карта с начерченной на ней землей-призраком. Как он целовал ее, как ласкал! Будто самую любимую женщину. И на ней он давал обет противиться жадности, и не смотреть на золото, что будет манить прямо из-под ног, а идти вперед, к самому высшему счастью. Он знал, что так оно и будет, ведь он же все-таки Христофор, Христоносец!

Колумб взялся за дело. Он рассчитал время, необходимое для достижения тайной земли, и с радостью убедился, что до нее можно доплыть живым. Потом взялся за постижение морского дела, которое он осваивал на кораблях своего отца. На них же он узнавал известную часть Океана, которая была описана в географических трактатах, и по которой не боялись ходить самые смелые из купцов.

Вот уже все было готово, и можно было отправиться в смертельно опасный путь. Но выяснилось, что никто из генуэзских моряков не рискнет плыть через океан. Ведь здесь все мыслили не иначе, как простым отношением риска и прибыли, и кто же пойдет туда, где опасность бесконечно велика, а о доходе вообще не идет речи? Нет, здесь нужны другие люди, которые свою жизнь могут оценить в ничто, а цель, к которой лежит их путь – во все. Такими людьми могут быть лишь воины. Искать их надо в стране, народ которой много и тяжело воевал...

Так Колумб и оказался в Испании. Но и в Испании ему пришлось скрыть истинную цель своего пути, придумав историю о походе в Индию вокруг света. Освободившаяся от арабских оков Испания в те годы жаждала простора, но найти его на континенте не могла. Слишком много людей, умевших воевать и любивших войну, ходило по испанским землям, которых для них было мало, а направляться в боевой поход было некуда. За Пиренеями лежала сильная Франция, война с которой ничем хорошим для Испании бы не закончилась, а больше соседей у нее и не было. Потому единственным оставшимся пространством, где могли разгуляться идальго был океан и все, что скрывается за ним.

Долгие годы уговоров и переговоров в конце концов прошли, и перед путешественником выросли три красавца-парусника, которым суждено пронзить самую страшную из всех преград, что есть на Земле. Колумб на них надеялся, он в них верил, ведь прежде чем оказаться сколоченными из дерева, эти корабли сперва сложились из его мыслей и мечтаний...

Конечно, все пошло не так, как замышлял мореплаватель. Поход вышел дольше его расчетов, и к его концу мореплаватели лишились еды и воды. Там, где должна уже была начаться

земная твердь – плескались равнодушные волны, а потаенная земля будто нырнула в их глубину. Единственное, на что теперь мог надеяться Колумб – так это на то, что разъяренные близкой смертью матросы убьют его первым, и ему придется меньше мучиться, чем оставшимся в живых.

Но на самой глубине уныния он увидел белое пятнышко, промелькнувшее возле окна каюты. Чайка? Высунулся, посмотрел по сторонам. Точно – чайка! Она хоть и морская птица, но без тверди жить не может, надо же ей птенцов где-то выводить! Значит, земля – близко!

Три последующих дня Колумб не смыкая глаз ходил кругами по каюте, и когда услышал раздавшийся на марсе крик впередсмотрящего «Земля», то сил у него хватило лишь на то, чтобы упасть и заснуть. Во сне он видел пылающие кресты, а матросы, капитан и прочие начальники, позабыв былые обиды, обнялись и плясали на верхней палубе.

Земля стала уже хорошо различимой, и с каждым мгновением она все росла и росла. Вот уже видны диковинные деревья. На ней зелено, очень зелено... Каждая частичка того, что было Христофором Колумбом, рвалась сейчас туда, к зеленым кушам, которые, конечно, были райскими. Он понимал, что сердце каждого матроса сейчас тоже рвется туда, да и капитаны в этом чувстве – не исключение. Но, что поделать, всем сразу на берег – нельзя, как бы туда не тянуло. Капитанам придется остаться всем, а матросы пусть тянут жребий. Для проигравших у него приготовлено маленькое утешение – хорошо спрятанный запасец вина, о котором знал только он и берег его специально для встречи с таинственной и святой землей. Вот встреча и состоялась!

Его же никто не осудит, если он сойдет первым. И Колумб вскочил на первую шлюпку, которая отваливала от борта парусника в сторону явленной земли. Ветра с ними не спорили, течения не мешались, и Христофор чуял в этом хороший знак. Еще десять гребков, пять, три... Сердце металось, зажатое в узкую щель груди.

Вот и берег. Песчаный, вроде того, что и в Испании, и в родной Генуе. Неужели за ним что-то сокрыто, чего нет там, откуда деревянные тела кораблей начали свой путь?!

Путники молча прошли сквозь заросли неизвестных растений. Дальше рос густой кустарник, за которым торчало нечто неожиданное. Похоже, это были крыши человеческих жилищ. Переглянувшись, моряки пошли вперед, хотя их ноги и тряслись – ни то от волнения, ни то от долгой привычки ступать лишь по зыбкой палубе.

Неожиданно уши заложило от резкого крика, а так как людей не было видно, то казалось, будто орут сами небеса. У Колумба подкосились ноги, то же самое случилось и с его спутниками. Большие силы потребовались для того, чтобы остаться стоять, и при том оставлять глаза широко раскрытыми. Вскоре появились люди. Смуглые, с немного раскосыми глазами, они походили на обитателей земель, которые лежат дальше Руси, и в которых мало кто их генуэзцев бывал – там нет моря. Но кто-то все-таки описал похожего человека, хотя края здесь, конечно, были не те. Ведь пришли Колумб и его спутники сюда как раз по морю!

Описывать их потрясение бесполезно, ведь оно произошло на Земле всего один раз, и больше ничего подобного нигде и никогда не случалось. Причем, ужас охватил обе стороны. Незнакомцы, разом прекратив свои крики на непонятном, ни на что не похожем языке, неожиданно рухнули на колени, склонили головы и закрыли глаза. Все стихло, лишь шумели волны близкого моря, к которым привыкли и моряки и непонятные местные люди, оттого их вечный шепот никто не слышал, по ушам гуляла звонкая тишина.

Если бы Колумб и его спутники могли заглянуть сейчас в души здешних обитателей и посмотреть сами на себя сквозь их глаза... Сегодня сбывалось давно сказанное, сегодня в человеческой плоти к ним явился Господь! Они Его узнали, ведь все сошлось со словами давнего Пророка. Его кожа – белая, глаза – голубые, приплыл он из-за моря на большой рыбе... Только ему неведомы слова их языка, об этом не сказано, но кому не знать, что писанное всегда не похоже на свершающееся!

Туземцы стояли на коленях, ибо никто из них, даже местный жрец, не знали, что им делать дальше. Как встречать своего Господа во плоти и его свиту?! Как Его не прогневать? Совершить обильные жертвоприношения, отобрав у самих себя последнее? Но ведь их совершают для Небес, а как быть, если Он спустился?! Принять, просто как путника, сделать вид, будто не узнали? Или как дорогого гостя, но – человека?! Ведь он же не зря в человека воплотился?! В чем смысл Его воплощения, что принесет народу Его Явление?!!

Колумб, успокоившись от дрожи, смотрел на голые спины коленопреклоненных. Неожиданно поведение аборигенов ему стало не нравиться. Ведь если они склоняют колени перед ними, если кланяются им, как богам, значит в их земле не найти Бога! Значит, весь их тяжкий, суровый путь был просто дорогой к новой земле, но не дорогой на встречу с Самим Господом!

Молчание длилось, и вместе с ним наполнялся пузырь недовольства в душе Колумба. Он уже роптал на свое имя, в котором чувствовал теперь издевку. Ведь он, Христофор, отдал свою жизнь исканию Христа, а нашел просто землю, населенную неумными дикарями, готовыми поклониться первому встречному как своему идолу! Колумб махнул спутникам рукой, и не обращая внимания на продолжавших свой поклон аборигенов, указал им дорогу в деревню.

Золота и в самом деле было много, даже очень. Везде попадались то солнечно блестящие сосуды для воды, то такая же драгоценная кухонная утварь, то какие-то безделушки. Колумб видел, как у матросов, еще несколько дней назад смиренно молившихся о даровании им жизни, в глазах загорались маленькие пожары. Наверное, ребята сейчас вспомнили о том что все они – бывшие разбойники, и за одно мгновение перевоплотились в них. Много ли надо человеку сил и времени, чтоб изменить себя до основания?

Моряки вопросительно смотрели на своего предводителя. Они ожидали от него взмаха руки или какого-нибудь еще знака согласия. Мысль о разбое, за который их никогда и никто не накажет (разумеется – на Земле, все их мысли о Небе растворились при первом взгляде на дорогой металл), превратила их во что-то похожее на ртутные капли.

Обозленный Небесной волей, Колумб дал отмашку. На мгновение раздался хохот, и тут же несколько десятков вооруженных европейцев вонзили свои руки в беззащитную деревушку. Треск, огонь, дым, крики и вопли, лужи крови. Ладно золото, его аборигены не ценили, и отдали бы сразу и все, тем более тем, кого они приняли за богов. Но больше, чем алчность, иноземцами завладела похоть. Чего еще ожидать от мужиков, которые бесчисленное число дней не видели вокруг себя ничего, кроме тошнотворно раскачивающихся корабельных стенок?! Визжащие и барахтающиеся «дикарки» тут же пошли по рукам, а их мужей, отцов и братьев ждало острое испанское железо...

Сам Колумб стоял в стороне и молча созерцал происходящее. Дикари страдали безвинно, но никто не шел к ним на защиту. Значит, не встретить Бога в этом крае. Теперь Христофор убедился в этом навсегда.

Расправа над ни в чем не повинной деревушкой вскоре завершилась, и европейские «боги» возвращались на свои корабли, сгибаясь под тяжестью своей добычи. У туземцев они вдобавок нашли что-то, вкусом похожее на вино, разумеется – напились, и тоже прихватили с собой. Когда они ступят на частицы своей родины, испанские палубные доски – веселье продолжится. Надо будет делить добычу с теми, кто остался на борту, ведь частью того, что досталось их ходившим на берег собратьям, они и так уже обделены. Будет драка, будет поножовщина, без этого – никак. Может, капитаны с помощниками и станут их разнимать, запирают в трюм самых бойких, а, может, будут только наблюдать. Это их дело. Сам он, Христофор Колумб, вернувшись на корабль снова запрется в своей каюте, станет обдумывать свою жизнь и тихонечко тосковать...

Через десяток лет Европа потонула в золотой реке, хлынувшей по морю из земель, которые обозвали Новым Светом. Навстречу блестящему металлу отправились испанские искатели приключений и английские кальвинисты-пуритане. Из пришлых на тех землях родилось

сразу две цивилизации – американо-англосаксонская и латиноамериканская. Люди первой, искавшие свое Предопределение, наконец нашли его, завладев огромными богатствами новых земель. С россыпи индивидуумов райское предназначение потихоньку перешло на весь новый народ, растворив в его мыслях представления о добре и зле. Всего через пару веков этот народ вопьется в глотку всего мира и будет очень долго держать ее, меняя по своему усмотрению бытие всех народов.

Вторая цивилизация сделалась сонной, ищущей саму себя и не находящей. Короткие ее пробуждения порождали на свет таких личностей, как Фидель Кастро или Эрнесто Че Гевара. Но, оглянувшись по сторонам, потомки испанских искателей приключений и индейцев снова погружались в свой сон. Быть может, это сон затянувшегося младенчества, и очень скоро он прервется вместе с взрослением?! Трудно сказать, что явят тогда на свет Божий те земли...

* * *

Массовое Богоискательство – неотъемлемая черта христианского мира. Ведь только христианин жаждет увидеть Бога в человеческом облике, и Бога не карающего и осуждающего, но – спасающего и прощающего, любящего. Богоискательство и стало движущей силой европейской истории, а не «отношения производственных средств и производственных отношений», о которых говорил ныне почти забытый Маркс. Он сам, впрочем, тоже запустил один Богоискательский проект, но только уже в другой земле...

Ни одно из Богоискательств не привело к Богу, зато каждое из них обязательно породило тень. Такими тенями стали и возникновение протестантизма, и приход порожденного им капитализма, и рождение двух американских цивилизаций, одна из которых после сжала мертвой хваткой весь мир.

Тени накладывались друг на друга. Протестантизм на капитализм, они вместе – на Американский континент, породив либерализм. К нашему дню теней спрессовалось так много, что они закрыли небеса, и прекратили само Богоискательство. Теперь Запад говорит, что он просто живет, хотя жизнь без движения означает уже саму смерть. Лапы и зубы государства США держат под собой трепещущую плоть мира, но они уже почти мертвы, надо только набраться сил, чтоб сбросить с себя коченеющие челюсти и когти. Правда, придется еще побороться с трупным ядом, который через укус мертвых зубов попал-таки под нашу кожу...

Но был на Земле еще один путь Богоискательства, как жива на белом свете другая христианская цивилизация. Эта цивилизация – наша, Православная, и у нас тоже есть свой Богоискательский путь. Он шел по простору наших лесных и степных земель, объял Сибирь, и коснулся даже той самой Америки. Когда на Земле искать стало негде, Русский путь устремился в Небеса, в блестящее звездами пространство. Одновременно поиск шел и в недрах человеческого общества, идея достижения на Земле высшей справедливости красной нитью проходит сквозь русскую историю. Ибо путь в Небеса, как мы знаем, открыт только лишь для Избранных. Но Избранными по русской мысли должны сделаться все...

Наше Богоискательство никогда не было множеством бросков в разные стороны, когда мысли о подъеме в гору приводят к провалу в яму. Оно всегда было одной дорогой, цель которой растворяется в синеве небес, но на каждом шагу она ощутима. В отличие от западного, русское Богоискательство не породило теней, оно никогда не упиралось в свой тупик, не уперлось оно в него и по сей день. Ему только лишь заградили дорогу зловещие западные тени, которые сегодня упали на наш путь. Но тень – сущность неопасная и невесомая, страшна она только лишь для того, кто верит (и жаждет верить) в ее твердость и непролазность.

Взглянем же на основные западные учения и рассмотрим их на предмет «ядовитости» для русской жизни.

Концепция о душегубах

Перед глазами проплывают черно-белые портреты благообразных людей прошлого. По их лицам видно, что все они – кабинетные писаки, их лиц редко когда касались солнце или ветер. Они не совершали подвигов, и рассказ о каждом из них был бы совсем не интересен. «Там учился, там и сям жил, и писал-писал-писал», только и можно сказать об этих личностях. Что до их злодеяний, то можно предположить, что едва ли кто из них совершил своими руками большее, чем убийство мухи, ненароком заползшей на исписанный лист.

Но... Все они были душегубами. Именно в прямом смысле этого слова. Они никого не лишали жизни, но они жадно истребляли души, и не отдельных людей, а целых народов. Истребили они и душу моего, русского народа. Поэтому о некоторых из них следует поговорить подробнее (всех их просто не охватить в одной работе). И я выбрал из них четырех.

* * *

В клубах тумана купается знаменитый Биг Бен. Его яростный грохот против тумана слабее даже взмаха ладошки. Туман остается неподвижен, он подобно шапке накрывает наземную суету, пряча ее от невидимых небесных глаз... Многие из суetyщихся внизу людишек рады белесой шапке. Небесные глаза, если они есть, никогда не разглядят их движений в это время, а потому можно быстренько сделать что-то, что показывать небесам и не следует. Обхитрить кого-нибудь, например. Не на много, но самих туманных деньков тут много, потому, глядишь, так когда-нибудь и разбогатеешь...

В одном из домиков, затянутых в туманный плащ, на кровати лежал старый еврей с всклоченной бородой. Он не делал никаких дел, ибо он умирал, и это составляло его единственное, но нескончаемо великое дело. Все свободное место комнаты занимали мелко исписанные по-немецки и по-английски бумажные листочки – плоды трудов старого еврея. Три чернявые девушки сутилились вокруг умирающего, беспощадно отбрасывая в сторону листики, а то и подавляя их ногами. Сейчас им было не до них, важнее были жаждущие воды губы умирающего. Но уже завтра они бережно соберут все помятые листочки, сложат их, и будут думать о том, как дать им свинцово-печатную жизнь. Ведь больше их отец не напишет и буквы, свою самую последнюю точку он уже поставил. И точки этой не найти, так перемешались бумаги, и не виден уже последний лист. Может, вот это – он. Скомканный, что под кроватью лежит?! Или не он?..

Дочки любили отца, который целыми днями не выходил из своего кабинета, скрипя за дверью пером и шелестя бумагами. Когда они входили, то он не глядя обнимал их левой рукой и гладил по голове. Рука же правая оставалась на своем боевом посту, среди дебрей рукописи. И лишь теперь он весь перед ними, и правая рука впервые оставила положенное ей место, и покорно легла рядом с левой...

Завтра его похоронят. А бумажные крылья сочинений понесутся над всей Землей, ведь на них начертано самое последнее, самое верное и окончательное учение. Все в мире познано, он сделался стеклянно-прозрачным, и потому можно разглядеть и самое потаенное, что есть в нем. Его совершенство, которого люди, сами того не ведая, ожидали с самого дня своего рождения. А когда разглядел, можно смело заставить мир созреть, обратиться в спелый плод окончательного своего состояния. В этом – Последний завет, который дарован людям от последнего пророка. Ибо имя старого еврея – Карл Маркс. Тот самый, памятники которому бронзовыми пробками и сейчас высятся во многих местах нашей земли.

При взгляде на предметы мира мы, прежде всего, видим противоречия, которыми кишат их внешние, наиболее доступные познанию «слои». Чтобы проникнуть в глубину познаваемого

предмета, необходимо эти противоречия преодолеть и дойти до уровня познания, на котором они растворяются в своем единстве. Для этого и были открыты законы диалектики, которые со времен Аристотеля и до Гегеля воспринимались исключительно, как законы работы ищущего истину разума, идущего от «оболочек» предмета к его «сердцевине».

Маркс совершил переворот в диалектике, по его выражению – «поставив ее с головы на ноги». Законы диалектики он утвердил, как законы бытия самих вещей, которые лишь усваиваются разумом. Против такого понимания диалектики возражал русский философ Николай Бердяев. По его словам, «в природе нет непрерывного столкновения частиц вещества друг с другом».

Так внешний, полный противоречий наружный слой понимания вещей переместился у Маркса в его внутреннюю основу. От познания Маркс требовал лишь хорошо видеть противоречия, наполняющие предметы, глубже которых, как будто, уже ничего нет и быть не может. Но все противоречия разворачиваются во времени, потому наблюдая за враждой его частей, можно предположить будущее состояние предмета и объяснить его прошлые. Эта способность метода давать правдоподобные прогнозы и привлекла к нему множество интеллектуалов.

Любимым объектом исследований для Маркса, конечно, было человеческое общество. Оно легко доступно наблюдению, его прошлое гораздо очевиднее, чем былое скал и морей. Мыслитель быстро обнаружил в нем уровень, в наибольшей степени богатый противоречиями, и принял его за основной. С его помощью можно понимать историю и строить догадки о будущем. Этот уровень марксистского познания общества – соответствует области материального производства, в которой происходит нескончаемая борьба труда и капитала, производственных средств и производственных отношений.

Развитие истории в «правильном» (т. е. соответствующем марксистским прогнозам) направлении, безусловно, не отказывается от помощи тех, кто осознал эту правильность. На помощь истории неслись лихие тачанки, поливая округу свистящим дождем, обрушивались железные клювы лихих сабель. Отряды атеистов с обезьяньей ловкостью взбирались на купола соборов и лишали их крестов...

Все, что можно познавать, очертили труды Карла Маркса. Шаги за границу этого философского квадрата означали падение в бездонную яму, ибо там не могло быть ничего, кроме пустоты...

Пустота сходна с темными водами. В царств темных скользнула туша так называемого «философского парохода», на котором по решению большевистского правительства из России был выслан цвет русской философии. Ведь русская мысль всегда была подобна острию, она направлялась в глубину вещей, а не поглаживала их поверхности, гадая по форме шероховатостей об их будущем. Теперь на русское неудержимое Богоискательства налагалась печать марксизма, запечатывающее сердцевину предметов, проникать в которую не следует, ибо ее, вроде как, и нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.